ЛИЗА.

Мы сидѣли втроемъ: я, сестра Лена и дочь священника Лиза, которая приходитъ учиться и играть съ нами для соревнованія въ прилежаніи и послушаніи.

Сегодня уроковъ не было и играть не позволяютъ. Сегодня день торжественный и тревожный — страстная суббота.

Нужно сидѣть тихо, не лѣзть, не приставать, не драться, по стулу на колѣнкахъ не ерзать. Все сложно, все трудно, все сплошь непріятно. И весь день идетъ подъ знакомъ обиды и оскорбленія.

Всѣ заняты, всѣ спѣшатъ и сердятся. Гувернантка съ красными пятнами на щекахъ строчитъ себѣ блузку на машинкѣ. Ужасно важно! Все равно весь щербатый. Няня ушла въ дѣвичью гладить передники. Старшія сестры въ столовой красятъ яйца и встрѣтили меня обычными словами.

«Только тебя тутъ не хватало. Нянюшка! уведите ее!»

Я хотѣла отстоять себя и тутъ же локтемъ задѣла чашку съ краской и при помощи подоспѣвшей няни была водворена въ дѣтскую. Во время всей этой катастрофы выяснилось, что къ заутренѣ насъ не берутъ.

Я со злости даже не заплакала, а просто ядовито сказала:

— Къ исповѣди то небось таскали. Что похуже то намъ, а что получше, то для себя.

Несмотря на эту блестящую реплику, сила осталась на сторонѣ врага и пришлось засѣсть въ дѣтской.

А тутъ какъ на грѣхъ нужно было спѣшно разрѣшить богословскій споръ между мной и Леной изъ за разбойника и молитвы. Батюшка сказалъ, что каждое дѣло надо начинать съ молитвой. И вотъ меня поразило положеніе разбойника: идетъ убивать, а вѣдь долженъ помолиться, потому что убивать то вѣдь это же его дѣло. А Лена возражала, что ему молиться не надо, что ему молъ все ужъ заодно прощается.

Спросить не у кого, драться нельзя. Бѣда!

Наконецъ пришла Лиза.

У Лизы лицо худенькое обтянутое, глаза большіе, свѣтлые, очень выпуклые и испуганно-вдохновенные. Все въ жизни видитъ она въ двойномъ, въ тройномъ размѣрѣ и вретъ какъ нанятая.

Она на годъ старше меня. Уже два раза была у исповѣди и въ нашей компаніи пользуется уваженіемъ.

Весь бытъ Лизиной жизни намъ извѣстенъ и очень интересенъ.

У нея есть дядя семинаристъ Петръ Яковлевичъ, который выпилъ молоко отъ четырехъ коровъ. Пришелъ, когда никого не было, а въ сѣняхъ стоялъ вечерній удой — онъ все и выпилъ.

Потомъ у нихъ дома есть четыре золотыхъ рояля, но они спрятаны на сѣновалѣ, чтобы никто не видалъ.

Потомъ у нихъ никогда не обѣдаютъ, а стоитъ въ зальцѣ большой шкапъ, а въ шкапу все жареныя куры. Кто захочетъ ѣсть — сунулъ голову въ шкапъ, съѣлъ курицу и пошелъ.

Потомъ у Лизы есть четырнадцать бархатныхъ платьевъ но она ихъ носитъ только ночью, чтобы никто не видалъ, а днемъ прячетъ въ кухню подъ макитру, въ которой тѣсто творитъ.

Потомъ Лиза очень хорошо говоритъ по французски, только не на нашемъ французскомъ, на которомъ мы съ гувернанткой говоримъ, а на другомъ, котораго никто не понимаетъ.

Вообще жизнь у Лизы очень интересная.

И вотъ сидимъ тихо, бесѣдуемъ. Лиза разсказываетъ новости. Сначала велитъ клясться и божиться, что никому не проболтаемся. Мы божимся и для прочности еще плюемъ черезъ лѣвое плечо.

— Никому?

— Никому во вѣки вѣковъ, аминь!

Лиза коситъ глаза на дверь — глаза бѣлые, страшные и лепечетъ:

Садовника Трифона жена родила двухъ щенятъ, а всѣмъ сказала, что ребята, а какъ стали люди дознаваться, она щенятъ зажарила и велѣла Трифону съѣсть.

— Щенятъ ѣсть нельзя. Грѣхъ — испуганно говоритъ Лена.

— Такъ вѣдь она не призналась, сказала быдто ребята.

У меня похолодѣли руки. У Лизы у самой отъ страха на глазахъ выступили слезы и носъ распухъ.

— Это ее чортъ научаетъ. Это ужъ извѣстно, чортъ къ спящему человѣку очень легко можетъ подступиться.

— Лиза а ты видѣла чорта?

— Видѣла. Это съ вечера замѣчать надо. Коли у тебя на шеѣ крестикъ очень заблеститъ, значитъ непремѣнно ночью чертъ и явится.

— А ты видала?

— Видала. Я ночью какъ проснусь, такъ сейчасъ голову высуну и смотрю и всегда вижу: надъ папой чортъ и надъ мамой чортъ. Такъ надъ каждымъ по чорту всю ночь стоитъ.

— Въ черной кошкѣ, говорятъ, очень много этого самого, теперь я...

— Чего?

— Чорта. Если она дорогу перебѣжитъ — бѣда неминуема.

— Даже заяцъ черный и то опасно — вставляетъ Лена.

Я въ душѣ удивляюсь, откуда она безъ меня такую штуку узнала.

— Очень опасно — подтверждаетъ Лиза. Когда наша Лидочка помирала, ѣхали мы съ теткой Катей въ Липецку за кисеей. Ѣдемъ и видимъ, вдругъ кошка черезъ дорогу. Потомъ вдругъ заяцъ! Потомъ волкъ! Потомъ медвѣдь! Потомъ тигръ! Потомъ кротъ! Пріѣзжаемъ, а Лидочка уже померла.

Я отъ волненія давно уже влѣзла колѣнями на стулъ, локтями на столъ.

— Охъ, Лиза, какъ все это страшно. Только я сама ничего не боюсь. Я только волковъ боюсь, и привидѣнія боюсь и темной комнаты боюсь. И покойниковъ тоже боюсь. Ужасно боюсь. И спать одна въ комнатѣ боюсь. И вотъ еще въ лѣсъ одна ни за что не пойду. А такъ — ничего не боюсь. Вотъ если бы мнѣ на Пасху ружье подарили — всѣхъ [illegible] бы и имъ всѣмъ въ лобъ! Я ничего не боюсь.

— А что вамъ на Пасху подарятъ? — спрашиваетъ Лиза.

— Не знаю. Можетъ быть крокетъ. А тебѣ что?

— А мнѣ подарятъ... тоже крокетъ и еще... рояль.

Такъ вѣдь у тебя ужъ есть рояли.

— Есть, да еще нужно. Потомъ подарятъ карету, потомъ коробку сардинокъ съ позолотой, потомъ подарятъ туфли вышитыя золотомъ, потомъ золотой гребешокъ и золоченую ложечку.

Счастливая Лиза! Все у нея съ золотомъ.

— Лиза, а отчего отъ тебя всегда лукомъ пахнетъ? И дымомъ.

— Это у насъ такіе одеколоны.

У Лены глаза стали круглые, но я то знаю, что одеколонъ бываетъ различнаго запаха, разныхъ цвѣтовъ и травъ. Ну, у нихъ значитъ луковый.

— А вы къ заутренѣ поѣдете? — вдругъ спрашиваетъ Лиза.

— Ухъ, этого вопроса я и боялась. Мы вѣдь всю страстную толковали о томъ, какъ будетъ у заутрени и какія платья намъ надѣнутъ — неужто, молъ, не голубыя.

Я сдѣлала видъ, что не слышу и вдругъ съ удивленіемъ услышала, какъ Лена спокойно отвѣчаетъ:

— Еще ничего неизвѣстно. Какая будетъ погода.

Вотъ молодчина! Я бы такъ никогда не сумѣла.

— Тетя Соня говорила, что въ прошломъ году была на Пасху въ Архангельскѣ и тамъ шелъ снѣгъ, — поддерживаю я наше достоинство.

— А моя мама говорила, будто васъ въ этомъ году возьмутъ въ церковь, — очень безтактно замѣчаетъ Лиза.

Входитъ няня. Держитъ на отлетѣ выглаженные передники и съ негодованіемъ хлопаетъ себя по бедру свободной рукой.

— Опять она на колѣнкахъ! Всѣ наголенки протерла — не наштопаешься.

«Она» — это я.

Сразу послушаться и слѣзть со стула невозможно. Унизительно. Я медленно, какъ будто сама по себѣ, спускаю одну ногу.

— Да слѣзешь ты, или нѣтъ! — кричитъ няня. — Говори не говори, что объ стѣну горохъ. Лиза одѣвайся, за тобой тетка пришла.

Лиза подымается. Тутъ ужъ вполнѣ удобно и мнѣ слѣзть со стула.

Лиза повязываетъ голову шерстянымъ платкомъ и шепчетъ, кося глаза на няню, чтобы та не слышала.

— У вашей няни въ перинѣ вмѣсто пуху три милліона золотыми деньгами натыкано. Это уже всѣ разбойники знаютъ.

У Лизы въ темномъ платкѣ лицо бѣлое и худое, какъ у монашки. Отъ словъ ея страшно мнѣ за няню. У Лены нижняя губа кривится и ходитъ изъ стороны въ сторону. Сейчасъ Лена заревётъ.

Лиза быстро коситъ глазами на няню: молчите, молъ.

Уходитъ.

Мы остаемся съ Леной вдвоемъ. Молчимъ.

Все послѣ Лизы дѣлается такимъ особеннымъ, таинственнымъ и тревожнымъ.

Вишневое деревцо зеленѣющими прутиками шевелитъ за окномъ, засматриваетъ въ комнату.

Одѣяло на няниной постели будто шевелится. Можетъ быть разбойникъ залѣзъ туда, спрятался и золото грабитъ...

Тэффи.

Св. Евстафій.

Ловецъ великій передъ Богомъ,
Я гнѣвенъ въ молодости былъ.
Въ восторгѣ буйномъ, зломъ и строгомъ,
По горнымъ доламъ и отрогамъ,
Я расточалъ мой ловчій пылъ.

— Простите, дѣвственныя сѣни
Лѣсистыхъ родимыхъ мѣстъ.
Ты сокрушилъ мои колѣни,
Смиренный Взоръ, голгоѳскій Крестъ.

Вотъ далъ я волю пестрымъ сворамъ,
Зовутъ, поютъ рога, рога,
Летятъ надъ лиственнымъ узоромъ,
А я — за ними, шлю просторомъ,
Печенѣгъ, жаждою врага.

— Простите, дѣвственныя сѣни,
Певучій лѣсъ, гремящій боръ.
Ты сокрушилъ мои колѣни,
Голгоѳскій Крестъ, смиренный Взоръ.

Мракъ и стволы великой чащи,
Органныхъ трубъ умолкшій рядъ,
Взоръ, и смиренный, и грозящій,
И Крестъ изъ пламени, горящій,
Въ рогахъ, откинутыхъ назадъ.

Къ ночи.

Взойди, о Ночь, на горній свой престолъ,
Стань въ безднѣ безднъ, отъ блеска звѣздъ туманной,
Міръ тишины исполни первозданной
И сонныхъ водъ смири нѣмой глаголъ.

Въ отверстый храмъ земли, небесъ, морей
Вновь прихожу съ мольбою и тоскою.
Коснись, о Ночь, цѣлящею рукою,
Коснись чела, какъ Божій іерей.

Дала судьба мнѣ слишкомъ щедрый даръ:
Видѣнья дня безмѣрно ярки были:
Росистый хмѣль твоей епитрахили
Да утолитъ души мятежный жаръ.

Ив. Бунинъ.

БЛАГОСТЬ.

Мастерскую я унаслѣдовалъ отъ фотографа. Въ углу еще стояло лиловатое полотно, изображающее часть баллюстрады и бѣлесую урну на фонѣ мутнаго сада. Почему то именно въ этомъ углу просидѣлъ я до утра, въ плетенномъ креслѣ, и думалъ о тебѣ. На разсвѣтѣ стало очень холодно. Выплыли изъ темноты въ пыльный туманъ глиняныя болванки, — одна, твое подобіе, обмотанная влажной тряпкой. Я прошелъ черезъ эту туманную свѣтлицу мою — что то крошилось, потрескивало подъ ногой, — и концомъ длиннаго шеста зацѣпилъ и откинулъ одну за другой черныя занавѣски, висѣвшія какъ клочья рваныхъ знаменъ, вдоль покатаго стекла. Утро вошло — прищуренное, жалкое. Я разсмѣялся самъ не знаю чему, — быть можетъ, тому, что вотъ я всю ночь просидѣлъ въ плетеномъ креслѣ, среди мусора, гипсовыхъ осколковъ, въ пыли высохшаго пластелина, — и думалъ о тебѣ.

Когда при мнѣ произносили твое имя, вотъ какое чувство я испытывалъ: ударъ черноты, душистое и сильное движеніе, такъ ты заламывала руки, оправляя вуаль. Любилъ я тебя давно, — а почему любилъ понять не могъ. Лживая и дикая, живущая въ праздной печали...

Недавно я нашелъ на столикѣ, у меня въ спальнѣ пустую спичечную коробку: на ней былъ холмикъ пепла и золотой окурокъ, грубый, мужской. Я умолялъ объяснить. Ты нехорошо смѣялась. И потомъ расплакалась, и я все простивъ тебѣ, обнималъ твои колѣни, прижимался мокрыми рѣсницами къ теплому, черному шелку. Послѣ этого я двѣ недѣли не видѣлъ тебя.

Весеннее утро мерцало отъ вѣтра. Я бережно поставилъ шестъ въ уголъ. Въ широкій пролетъ окна видны были крыши Берлина — очертанія ихъ мѣнялись, благодаря невѣрнымъ внутреннимъ переливамъ стекла, — и среди крышъ бронзовымъ арбузомъ вздымался какой то куполъ. Облака прорывались мѣстами; провалы бирюзовой синевы.

Наканунѣ я говорилъ съ тобой въ телефонъ. Позвонилъ, не выдержалъ. Условились встрѣтиться, — сегодня у Бранденбургскихъ воротъ. Голосъ твой сквозь пчелиный гулъ, былъ далекъ и тревоженъ. Скользилъ, пропадалъ. Я говорилъ съ тобой закрывъ глаза и хотѣлось плакать. Рай представлялся мнѣ именно такъ: молчанье, и слезы, и теплый шелкъ твоихъ колѣнъ. Ты понять этого не могла.

Когда послѣ обѣда я вышелъ на улицу — встрѣтить тебя — голова закружилась отъ осенняго сухого воздуха, отъ потоковъ желтаго солнца. Болѣли виски. По панели съ шорохомъ торопливо, вперевалку бѣжали большіе рыжіе листья.

Я шелъ и думалъ о томъ, что вѣрно, на свиданье ты не придешь. А если и придешь, то все равно поссоримся опять. Я умѣлъ только лѣпить и любить. Тебѣ было мало этого.

Вотъ и зеленыя грузныя ворота. Сквозь проймы ихъ протискивались толстобокіе автобусы, и катились дальше, вдоль бульвара, уходящаго вдаль, въ тревожный синій блескъ осенняго дня. Я ждалъ тебя подъ тяжелой сѣнью, между холодныхъ колоннъ, у желѣзнаго окна гауптвахты. Было людно: возвращались со службы берлинскіе чиновники, не чисто выбритые, у каждаго подъ мышкой потрепанный портфель, въ глазахъ особое такое выраженіе мутной тошноты, что бываетъ когда натощакъ выкуришь сигару. Безъ конца мелькали ихъ усталыя и хищныя лица, картонные воротнички. Прошла дама въ красной соломенной шляпѣ, въ пальто изъ сѣраго барашка, прошелъ старикъ съ сердитыми усами, юноша въ бархатныхъ штанахъ съ пуговицами пониже колѣнъ, безъ шапки, волосы зачесаны назадъ, воротъ рубашки открытъ. И еще другіе.

Я ждалъ опираясь на трость, въ холодной тѣни угловыхъ колоннъ. Я не вѣрилъ, что ты придешь.

А у колонны, неподалеку отъ окна гауптвахты, былъ лотокъ — открытки, планы, вѣера цвѣтныхъ снимковъ — и рядомъ на табуретѣ сидѣла старушка, коротконогая, полная, съ круглымъ рябымъ лицомъ, — и тоже ждала.

Я подумалъ: кто изъ насъ первый дождется, кто раньше явится — покупатель или ты? У старушки былъ видъ вотъ какой: «я ничего, я такъ, случайно сѣла здѣсь; правда, рядомъ какой-то лотокъ — очень хорошія, любопытныя вещицы. Но я — ничего...»

Люди безъ конца проходили между колоннъ, огибая уголъ гауптвахты; иной взглянетъ на открытки. Тогда старушка вся напрягалась, впивалась яркими, крохотными глазами въ лицо прохожаго, словно внушала ему: купи... — но тотъ окинувъ взглядомъ цвѣтные и сѣрые снимки шелъ дальше, — и она, какъ бы равнодушно, опускала глаза, продолжала читать красную книгу, что держала на колѣняхъ.

Я не вѣрилъ, что ты придешь, но ждалъ тебя, какъ не ждалъ никогда, тревожно курилъ, заглядывалъ за ворота на чистую площадь въ началѣ бульвара, — и снова отходилъ въ свой уголъ, стараясь представить себѣ, что вотъ пока я не гляжу, ты идешь, приближаешься, — что если опять взгляну туда, за уголъ, то увижу твою котиковую шубу, черное кружево, свисающее съ края шляпы на глаза, — и нарочно не смотрѣлъ, дорожилъ самообманомъ.

Хлынулъ холодный вѣтеръ. Старушка встала, принялась вставлять плотнѣе открытки свои. На ней было что то въ родѣ короткаго тулупчика, — песочный плюшъ, сборки у поясницы. Подолъ коричневой юбки былъ подтянутъ спереди выше чѣмъ сзади — и потому казалось, что она ходитъ животомъ впередъ. Я различалъ добрыя тихія складки на маленькой круглой шляпѣ ея, на потертыхъ сапожкахъ. Она дѣловито возилась у лотка. На табуретѣ осталась книга, — путеводитель по Берлину и осенній вѣтеръ разсѣянно поворачивалъ страницы, трепалъ планъ выпавшій ступеньками.

Мнѣ становилось холодно. Папироса тлѣла криво и горько. Волны непріятной прохлады обдавали грудь. Покупатель не шелъ.

А старушка усѣлась снова, поерзала на табуретѣ — причемъ подошвы ея тупыхъ сапожковъ поперемѣнно отдѣлялись отъ панели, — поудобнѣй устроилась, опять принялась за книгу. Я кинулъ папиросу, подхватилъ ее концомъ трости: огненныя брызги.

Прошло уже съ часъ, — быть можетъ больше. Какъ я могъ думать, что ты придешь? Небо незамѣтно превратилось въ одну сплошную тучу, — и прохожіе шли еще поспѣшнѣе, горбились, придерживали шапки; дама, переходившая площадь, открыла на ходу зонтикъ... Было бы просто чудо, если бы ты теперь пришла.

Старушка, прилежно переложивъ въ книгѣ закладку, какъ будто задумалась. Мнѣ кажется ей представлялся богатый американецъ, который бы купилъ весь ея товаръ, и переплатилъ бы, и заказалъ бы еще видовыхъ открытокъ, путеводителей всякихъ. И ей вѣроятно не тепло было въ этомъ плюшевомъ тулупчикѣ. И ты вѣдь обѣщала придти. Мнѣ вспоминались всѣ оттѣнки голоса твоего. Господи, какъ мнѣ хотѣлось тебя видѣть. Снова хлынулъ осенній вѣтеръ. Я поднялъ воротникъ.

И вдругъ окно гауптвахты отворилось, — и зеленый солдатъ окликнулъ старушку. Она быстро сползла съ табурета и выпятивъ животъ, подкатилась къ окну. Солдатъ покойнымъ движеніемъ подалъ